

Овечка-серебрянка

Жила-была кыцанька. У нее было две манюшки. Она каждый день ходила на дровосек, мать-то их, и им пекла шанюшки. Говорит она манюшкам: «Как я уйду дровцы сечь, так вы дверь держите крепче и сами не спите. Крепче замыкайтесь! Как Егибовна к вам будет подходить, так она вам будет петь толстым голосом, а я как буду подходить, так я вам буду петь тонким голосом. Как мне, так открывайте, а Егибовне не открывайте. Как Егибовна будет петь: «Куда ваша маменька пошла да в каку дороженьку», а вы скажите Егибовне, что я влево ушла; а я вправо уйду, а то она меня съест».

Она и ушла в лес дровцы сечь, в праву дорожку.

Приходит Егибовна и кричит: «Ба-а-а, кыцаньки, ба-а, малыньки, откройте воротица, я ваша маменька, вы мои деточки, откройте воротица!» А манюшки и говорят: «Слышим, слышим, не маменькин голосочек!» Она тогда: «Куда ваша маменька ушла?» Они говорят: «В левую дорожечку, дровцы сечь!»

И поехала Егибовна на железной ступе в лес, с железным крюком, и хвощет лес-то. Да и говорит: «Съем кыцаньку, съем серебрянку!» А маменька пришла домой и говорит: «Ба-а, кыцаньки, ба-а, малыньки, откройте воротица. (Да маменька-то тоненьким растяжным, а Егибовна-то толстым.) Ваша мать пришла, молочка принесла!» Они и говорят: «Ты, маменька!» (Тоже тонкими и растяжными.)

Так открыли воротица маменьке. Она и рассказывает, как ходила дровцы сечь.

Спать легли, на завтра и встали. Маменька опять шанежек им спекла, да и походит на дровосек. И опять приказывает, чтобы Егибовне не отпирали двери, а ей отпирали: «Я уйду сейчас в праву дорожечку, а вы Егибовне скажите, что в леву, а то меня Егибовна съест».

Она и ушла дровцы сечь, а деточки заложились. Пришла Егибовна и кричит толстым голосом: «Ба-а, кыцаньки, ба-а, малыньки, откройте воротица, я ваша маменька, вы мои деточки!» Они и говорят: «Слышим, слышим — не маменькин голосок!» Егибовна и спрашивает: «Где маменька?» Деточки и говорят: «Пошла в леву дороженьку дровцы сечь!»

Она и поехала на железной ступе в лес в леву дорожечку. И опять хлещет железным крюком-от лес. Да и опять: «Съем кыцаньку, съем серебрянку!»

Деточки дома-то и уснули. А мать-то не велела им засыпать-то! Маменька приходит из лесу и говорит: «Ба-а, кыцаньки, ба-а, малыньки, откройте воротица!»

А деточки все не чуют. Так маменька легла под крылечко спать. Егибовна пришла да съела ее под крыльцом-то, а сама и уехала.

Деточки проснулись утром, а маменьки нету, а вышли на крылечко и говорят между собой: «Где же наша маменька?»

Одна-то манюшка да заглянула под крыльцо: да одни косточки лежат! Манюшки и стали плакать. Косточки-те собрали, а Егибовна пришла да и манюшек съела.

(Зап. от Д. Рябовой, 12 л., с. Сура-Погост, Пинега.)

Сказки и предания Северного края. Запись, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой. Л., 1934.

Читайте также русскую сказку "[Волк и коза](#)".